

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Солодовников К. Н., Алексеева Е. А., Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Куфтерин В. В., Рыкун М. П., Слепцова А. В.* Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье7
- Федорук О. А.* Мужские погребения с украшениями Андроновской (Федоровской) культуры (степной и лесостепной Алтай)32
- Гурулёв Д. А., Ершова О. В., Жу Ч.* Проблемы выделения и абсолютного датирования мезолитических комплексов в Нижнем Приангарье.....46
- Стоякин М. А.* Стремена Когурё на севере Корейского полуострова и Маньчжурии: тупик или эволюция?64

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Ягафова Е. А., Роговой А. С.* Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») 91
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Орлова И. В.* Инфекционные заболевания коренных народов восточной Сибири в конце XVIII — начале XX в.: источники распространения и основные меры борьбы107
- Мучаева И. И., Лиджиева И. В.* Кочевые инородцы на коронациях российских монархов в последней трети XIX в.: дары как свидетельства верноподданства 128

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Православные общины Западной Сибири в условиях антирелигиозной политики Н. С. Хрущева146
- Жанбосинова А. С., Лысенко Ю. А., Омурова Ж. О., Омарканова А. О.* Исламский фактор в содержании повстанческого движения казахского аула конца 1920 — начала 1930-х гг.166
- Ахатов А. Т., Тузбеков А. И.* Культ священной горы — Аулия Тау на Южном Урале: традиции и новации (по материалам экспедиционного выезда в Кугарчинский район республики Башкортостан в 2023 г.)186

- ДЛЯ АВТОРОВ**204

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Solodovnikov K. N., Alekseeva E. A., Borodaev V. B., Kiryushin K. Yu., Kufterin V. V., Rykun M. P., Sleptsova A. V.</i> An integrated study of the neolithic child skeleton from Ust-Aleika-5 Burial Ground, Barnaul Ob region.....	7
<i>Fedoruk O. A.</i> Male burials with jewelry of the Andronovo (Fedorovo) culture (steppe and forest-steppe Altai)	32
<i>Gurulev D. A., Ershova O. V., Zhu Z.</i> Issues of identification and radiocarbon dating of Mesolithic complexes in the Lower Angara region.....	46
<i>Stoyakin M. A.</i> Koguryo stirrups in the north region of the Korean Peninsula and Manchuria: deadlock or evolution?.....	64

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Iagafova E. A., Rogovoy A. S.</i> Ethnic vs local identity of the Chuvash cyberspace (based on materials of social networks VKontakte and Odnoklassniki)	91
<i>Dameshek L. M., Dameshek I. L., Orlova I. V.</i> Infectious diseases of indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th-early 20th centuries: sources of spread and main control measures	107
<i>Muchaeva I. I., Iidzhieva I. V.</i> Nomadic foreigners at the coronations of Russian monarchs in the last third of the 19th century: gifts as evidence of loyalty	128

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

FOR AUTHORS

<i>Dashkovskiy P. K., Ziebert N. P.</i> Orthodox communities of Western Siberia under N. S. Khrushchev's anti-religious policy.....	146
<i>Zhanbossinova A. S., Lysenko Yu. A., Omurova Zh. O., Omarkanova A. O.</i> The Islamic factor in the rebellion movement of the Kazakh aul at the end of the 1920s-early 1930s.....	166
<i>Ahatov A. T., Tuzbekov A. I.</i> Cult of the Auliya tau, sacred mountain in the Southern Ural: traditions and innovations (based on the expedition to Kugarchinsky district of the Republic of Bashkortostan in 2023)	186

FOR AUTHORS	204
--------------------------	-----

УДК 903.59

DOI 10.14258/nreur(2024)3–02

О. А. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С УКРАШЕНИЯМИ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ (СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена вопросам систематизации и анализа украшений, обнаруженных в мужских захоронениях андроновских некрополей степного и лесостепного Алтая. Установлено, что в мужском костюме андроновского населения Алтая могли использоваться шесть различных видов украшений, при этом наиболее популярным видом на данной территории являлись кольцевидные (трубчатые) серьги. Способы ношения/использования в костюме одних и тех же ювелирных изделий у мужчин и женщин различались. Украшения могли носить мужчины всех возрастов, вероятнее всего, они появлялись у мальчиков уже с трехлетнего возраста, но чаще всего встречались в погребениях молодых мужчин.

Анализ элементов погребального обряда позволяет говорить о том, что мужские захоронения с украшениями не имели каких-либо резких отличий от основной массы захоронений взрослых, в то же время планиграфический анализ показал, что могилы с украшениями образовывали скопления, т. е. наличие металлических украшений могло указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду/социальной группе.

Сопоставление полученных данных с материалами сопредельных территорий указывает на то, что у населения различных территорий распространения андроновской общности существовала своя система возрастных классов, а также определенная «мода», которая проявлялась не только в различиях женского, но и мужского костюма. Таким образом, широкое распространение металлических украшений в декоре мужского костюма является еще одной особенностью андроновских комплексов Алтая и подчеркивает своеобразие данного региона.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, украшения, костюм, погребальный обряд, степной и лесостепной Алтай

Для цитирования:

Федорук О. А. Мужские погребения с украшениями андроновской (федоровской) культуры (степной и лесостепной Алтай) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 32–45. DOI 10.14258/nreur(2024)3–02.

O. A. Fedoruk

Altai State University, Barnaul (Russia)

MALE BURIALS WITH JUVELY OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE (STEPPE AND FOREST-STEPPE ALTAI)

This article focuses on the systematization and analysis of jewelry found in male burials at the Andronovo necropolises of the steppe and forest-steppe regions of Altai. The study identifies six distinct types of jewelry that were worn by the Andronovo population, with ring-shaped (tubular) earrings being the most prevalent in this area. Notably, the manner in which men and women wore or used the same jewelry differed. Jewelry appears to have been worn by men of all ages, likely starting around the age of three, although it was most commonly found in the burials of young men. An analysis of the burial practices indicates that male burials containing jewelry did not significantly differ from the majority of adult burials. However, planigraphic analysis revealed that graves with jewelry tended to cluster together, suggesting that these metal adornments may signify the owners' affiliation with a specific clan or social group.

Comparing these findings with data from neighboring regions indicates that populations across the Andronovo community had their own systems of age classification and distinct «fashions,» which were reflected not only in female attire but also in male costumes. The prevalent use of metal jewelry in men's costumes serves as a defining characteristic of the Andronovo complexes in Altai, highlighting the uniqueness of this region.

Keywords: Andronovo (Fedorovo) culture, jewelry, costume, funeral rite, steppe and forest-steppe Altai

For citation:

Fedoruk O. A. Male burials with juverly of the Andronovo (fFedorovo) culture (steppe and forest-steppe Altai). Nations and Religions of Eurasia. 2024. Vol. 22, No 3. P. 32–45 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–02.

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Fedoruk Olga Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul (Russia); Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Введение

Костюм является одним из важных этнодиагностирующих и культурных признаков. В последние десятилетия появилось много работ, посвященных исследованию и реконструкции женского костюма эпохи бронзы [Куприянова, 2008; Усманова, 2010; Демин, Запрудский, Ситников, 2011; Умеренкова 2011]. Реконструкция мужского костюма в силу объективных причин остается в зачаточном состоянии [Ткачев, 2013: 89]. В связи с этим любые находки каких-либо деталей костюма, украшений в мужских погребениях представляют особую ценность и вызывают интерес. Крупные погребальные комплексы андроновской (федоровской) культуры на территории Алтая выделяются среди памятников сопредельных регионов обилием и разнообразием украшений, которые присутствовали не только в женских, но и в мужских погребениях [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015: 52].

Данная работа посвящена обобщению, систематизации и анализу украшений/деталей костюма, обнаруженных в захоронениях мужчин на некрополях степного и лесостепного Алтая. Были привлечены данные четырех наиболее крупных могильников, находящихся в различных ландшафтных зонах: Чекановский Лог-10 (предгорная зона), Рублево VIII (степной Алтай), Фирсово XIV, Кытманово (лесостепь).

Используемые материалы

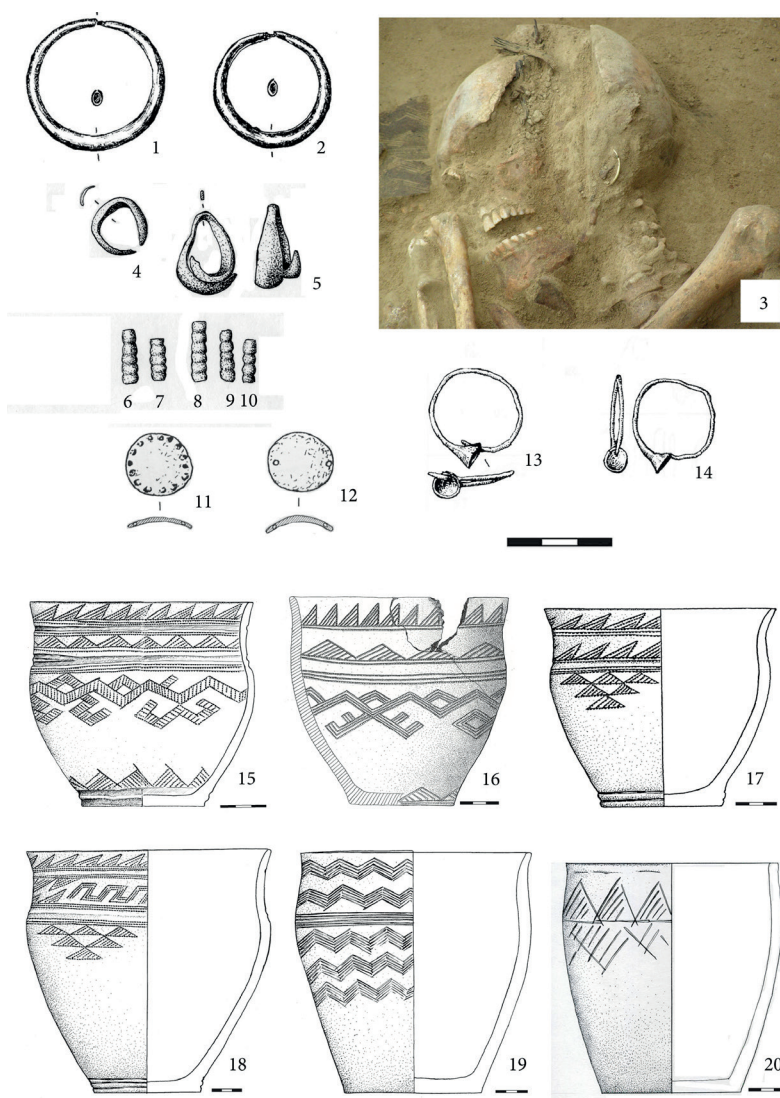
Нами были проанализировано 21 захоронение, в которых пол погребенных установлен как мужской (антропологические определения в разные годы выполнены В. А. Дремовым, В. А. Козьминым, А. Р. Кимом, Д. В. Поздняковым, К. Н. Солодовниковым, С. С. Тур.), содержащее различные виды украшений/деталей костюма. Наибольшее количество подобных погребений зафиксировано на могильнике Фирсово XIV — 11 (из них восемь одиночных и три парных). Также захоронения мужчин с украшениями обнаружены на могильниках Чекановский Лог-10 (3 шт.), Рублево VIII (4 шт.), Кытманово (3 шт., из них одно парное).

В мужских захоронениях были найдены следующие виды украшений:

1. *Кольцевидные серьги с коническим приемником* (трубчатые по [Аванесова, 1991]) (рис.–1, 2). Обнаружены в девяти погребениях могильника Фирсово XIV, двух — Чекановский Лог-10 и одном — Рублево VIII. В большинстве случаев они располагались на черепках погребенных, в районе висков, по одной с каждой стороны (могила № 75, 222, 238, а также 13, 15, 27 (2010–2011 гг.) Фирсово XIV, № 75 Рублево VIII). Могила № 7 Чекановского Лога-10 была потревожена, кости туловища смещены, череп отсутствовал. Одна серьга находилась в районе шейных позвонков, другая — в северной части могилы. Кроме того, в районе пояса погребенного были обнаружены бронзовые бусы. В могиле № 108 того же могильника была обнаружена одна серьга в районе головы, при этом погребение также было потревожено, часть костей черепа отсутствовала [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23].

2. В могиле № 108 Фирсово XIV (по данным из дневниковых записей) одна серьга была обнаружена в заполнении могильной ямы, другая — под черепом погребенного. В парном погребении № 213 того же могильника одна серьга находилась на черепе погребенного, у виска, другая оказалась в районе лопатки. Женщина, захороненная вместе с мужчиной, также была снабжена богатым набором украшений. Еще одно парное

погребение № 26 (2010–2011 гг.), вероятнее всего, было не единовременным, мужчина был подхоронен к женщине позже, в результате кости женщины были смещены и частично перекрыты мужским скелетом. На женском скелете и возле него находились разнообразные украшения. Череп мужчины был поврежден, внутри него была обнаружена кольцевидная серьга и обломок подвески в полтора оборота, еще одна серьга находилась под черепом [Погребальный обряд..., 2015: 13–14].

Украшения из мужских захоронений: 1–3, 15–19 – могильник Фирсово XIV [Погребальный обряд..., 2015]; 4–10 – могильник Рублево-VIII; 13, 14 – могильник Кытманово [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007]; 11, 12 – могильник Чекановский Лог-10 [Демин, Запрудский, Ситников, 2011]

3. *Серьги с раструбом*. Обнаружены в двух погребениях Кытманово и в одном на Чекановском Логу-10 (рис.–13, 14). В могиле № 4 Кытманово в районе висков погребенного были обнаружены две цельнолитые золотые серьги с раструбом, в могиле № 24 Чекановского Лога — одна. При этом погребение было потревожено, кости скелета смещены, серьга располагалась в районе костей рук. В парной могиле № 23 Кытманово под черепом мужчины была обнаружена бронзовая серьга с раструбом. У ребенка, захороненного с вместе с женщиной, также была обнаружена аналогичная серьга [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: 16–17].

4. *Бусы, пронизи* (рис.–6–10). Обнаружены в двух захоронениях Рублево VIII, одном Фирсово XIV, одном Чекановского Лога-10 и одним Кытманово.

5. Первоначальное расположение подобных изделий удалось зафиксировать лишь в двух случаях: в упомянутой ранее могиле № 7 Чекановского Лога-10 бусины располагались в районе пояса погребенного, в могиле № 18 Кытманово — обломок бронзовой обоймы или пронизи с отверстием (?) был обнаружен на черепе погребенного, в районе виска [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: 14]. В остальных случаях могилы были сильно потревожены. Могила № 133 Фирсово XIV была частично разрушена более поздним захоронением, кости торса и рук отсутствовали, череп был сдвинут. *In situ* сохранились лишь кости таза и ног. В заполнении погребения были обнаружены обломок пастовой пронизи, подвеска в полтора оборота, а также просверленная раковина (еще несколько раковин были найдены в заполнении более позднего погребения). В могиле № 54 Рублево VIII обнаружена одна пастовая пронизь примерно в 20 см от костей таза, при этом кости позвоночника и грудной клетки погребенного отсутствовали, а кости рук были смещены. В могиле № 83 было найдено не менее 19 пастовых пронизей, располагавшихся вдоль северной стенки могилы, от черепа до костей ног. При этом кости рук и череп были перемещены, а кости торса практически отсутствовали. Кроме того, в стенках могилы были обнаружены одна целая и несколько обломков бронзовых подвесок в полтора оборота.

6. *Подвески (желобчатые) в полтора оборота*. Найдены в двух захоронениях Фирсово XIV и двух Рублево VIII (рис.–4, 5). В могиле № 230 Фирсово XIV две подвески в полтора оборота были обнаружены под черепом погребенного, а в могиле № 109 Рублево VIII одна бронзовая подвеска лежала на черепе, в районе ушного отверстия. В остальных случаях, упомянутых ранее (могилы № 133 Фирсово XIV и № 83 Рублево VIII), первоначальное положение украшений не установлено.

7. *Раковины моллюска*. Одна просверленная раковина была обнаружена в могиле № 133 Фирсово XIV (см. выше).

Обсуждение материалов и их интерпретация

Все обнаруженные в мужских погребениях виды украшений встречаются как в женских, так и в детских захоронениях. При этом в большинстве случаев местоположение, количественный состав и сочетание различных видов украшений в костюме у мужчин и женщин различались. Так, желобчатые подвески в полтора оборота в мужских захоронениях встречаются в количестве от одной до трех предметов, тогда как в женском головном уборе чаще всего использовалось от четырех и более подвесок. Способ ношения этих изделий мужчинами реконструировать достоверно невозможно. В двух

случаях, когда подвески были обнаружены *in situ* — на черепе, можно предположить, что они, по аналогии с женским убранством, либо нашивались на головной убор, либо продевались непосредственно в ушную раковину. Интересно, что в обоих известных случаях подвески были обнаружены лишь с одной стороны черепа.

В целом, несмотря на широкое распространение данного типа украшений по всему ареалу расселения андроновских племен, случаи их обнаружения в мужских захоронениях крайне редки.

Способы ношения пронизей и бусин у мужчин и женщин также различались. У женщин бусы/пронизи чаще всего служили украшением ног/обуви либо входили в состав нагрудных и головных уборов. В мужском костюме данные виды изделий могли служить украшением пояса (один случай) либо головного убора (?) (один случай). Следует отметить, что на территории Центрального Казахстана, в могильнике Майтан, обнаружено несколько захоронений мужчин, в которых бусины служили украшением ног (обуви), однако они располагались не вокруг костей ног, как в женских захоронениях, а параллельно им, т. е. способы их непосредственного крепления к обуви (?) различались. Еще в одном случае, на том же памятнике, бусины были обнаружены на запястье мужчины. По мнению автора раскопок, они входили в состав четок [Ткачев, 2019: 403–404].

Не представляется возможным установить, как именно использовались раковины в мужском костюме андроновцев Алтая. У детей они могли выступать в качестве шейной подвески/нашивки на ворот [Федорук, 2021: 40], у женщин — быть частью наконника [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 66]. В целом раковины редко использовались андроновским населением Алтая, они были более характерны для западных регионов распространения андроновской общности. В алакульских памятниках на территории Зауралья, Притоболья и Казахстана известны случаи, когда крупные раковины использовали в качестве пряжек мужского пояса [Ткачев, 2013: 91; 2019: 322–323].

Серьги с раструбом, по-видимому, являлись «универсальным» видом украшений, способ ношения которых у мужчин, женщин и детей был единым: в непогребенных захоронениях они располагались на черепе, в районе височных костей. При этом у всех половозрастных категорий серьги с раструбом редко сочетались с другими украшениями, лишь в нескольких женских захоронениях помимо серег с раструбом были обнаружены другие типы ювелирных изделий.

Из всех видов украшений чаще всего в мужских захоронениях Алтая встречаются кольцевидные (трубчатые) серьги (42,9% от всех видов украшений). Именно эти ювелирные изделия, на наш взгляд, представляют особый интерес для изучения. Подобные серьги зафиксированы также и у женщин, и у детей, при этом в женском костюме кольцевидные (трубчатые) серьги в алтайских памятниках всегда встречаются в комплексе с другими ювелирными изделиями и чаще всего входят в состав сложносоставного ушного гарнитура. В мужском захоронении только в одном случае кроме кольцевидных серег были найдены еще и бусы, которые, вероятно, украшали пояс погребенного (могила № 108 Чекановского Лога-10).

Схожая ситуация (относительно способов ношения кольцевидных серег женщинами) прослеживается и на других территориях распространения андроновской общности.

сти. Как отмечает Э. М. Усманова, для кольцевидных серег свойственна комплектность в архитектонике женского андроновского костюма Казахстана. Кольцевидные серьги на данной территории обычно встречаются в комплексе с декором головного убора [Усманова, 2010: 144].

Если принять во внимание тот факт, что андроновские женщины носили кольцевидные серьги исключительно в комплекте с другими головными украшениями, то, скорее всего, мужскими были могилы с неустановленным полом погребенных (№ 67, 79 Рублево-VIII, а также погребение № 43 Кытманово, где костяк погребенного определен автором раскопок как предположительно мужской [Грушин, Тишкин, 2023: 240]), в которых были найдены только кольцевидные (трубчатые) серьги. Также, вероятнее всего, мужскими были захоронения № 1 Нижней Суетки и № 18 Подтурино [Уманский, 1999: 85; Кирюшин, Лузин, 1993: 70]. Детские захоронения с кольцевидными серьгами можно интерпретировать как захоронения мальчиков, так как в детских и подростковых захоронениях эти украшения ни в одном случае не сочетались с другими видами ювелирных изделий.

Таким образом, кольцевидные (трубчатые) серьги можно отнести к типично «мужским» аксессуарам костюма андроновского населения Алтая (рис.-3). В женском же костюме подобный тип украшений дополнял головной (ушной) убор, который мог иметь различные вариации [Погребальный обряд..., 2015: 29]. Возможно, кольцевидные серьги в женском костюме могли символизировать соединение мужского и женского начала, а их появление могло маркировать достижение женщиной определенного возраста/ социального статуса, например, замужество или рождение детей. Однако данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Интересно, что в парных разнополюх захоронениях могильника Фирсово XIV встречаются различные сочетания мужских и женских украшений. В могиле № 213 и у мужчины, и у женщины были обнаружены кольчатые серьги, при этом у женщины была только одна серьга, которая входила в состав головного (ушного) убора. Аналогичная ситуация зафиксирована и в погребении № 26, однако из-за смещения костей и их плохой сохранности невозможно точно установить первоначальное расположение украшений и их принадлежность [Погребальный обряд..., 2015: 13–14]. В биритуальном захоронении № 222 на черепе мужчины найдены две кольчатые серьги, а на кремированных останках — разнообразные украшения, относящиеся к украшению головы и рук, при этом две кольчатые серьги, вместе с лапчатыми привесками и пронизиями (ушной гарнитур?) оказались в районе ног погребенного мужчины. Еще в нескольких парных захоронениях этого же могильника украшениями была снабжена только женщина.

На сопредельных территориях, в Восточном Прииртышье, в парном погребении № 25 могильника Маринка в районе тазовых костей мужчины были обнаружены шлемовидная бляшка с пуансонным орнаментом и бронзовая пуговка с петелькой [Ткачева, Ткачев, 2008: 112–113]. В одном погребении могильника Чекановский Лог-10 (могила № 155, частично разрушенная), определенном как предположительно мужское, в районе ступней также были найдены две выпукло-вогнутые бляшки, одна из них с пуансонным орнаментом [Демин, Запрудский, Ситников 2011: 27] (рис.-11, 12). Бляшки были обнаружены и в одном мужском захоронении могильника Майтан [Ткачев, 2019: 403–

404]. Следовательно, бляшки также в некоторых случаях могли украшать мужской костюм. У женщин бляшки обычно входили в состав головных уборов либо служили нагрудными украшениями, у мужчин, по всей видимости, могли выступать украшением пояса либо обуви. Украшения, вероятнее всего, относящиеся к декору мужского пояса/пряжкам, также зафиксированы в других могильниках Южного Урала и Казахстана [Куприянова, 2008: 97].

Таким образом, в мужском костюме андроновского населения Алтая могли использоваться шесть разновидностей украшений, при этом наиболее популярным видом украшений на данной территории являлись кольцевидные (трубчатые) серьги.

Возраст мужчин, захороненных с украшениями, варьировал от 14–6 до 50–60 лет, т. е. украшения могли носить все возрастные группы. В большинстве случаев это молодые мужчины (по общепринятой в антропологии градации [Алексеев, 1972: 3] это *adultus* (возмужалый возраст) — от 18–20 до 35 лет) — 38,1%. Чуть меньше погребений мужчин зрелого возраста (*maturus* от 35 до 50–55 лет) — 28,6%. Реже украшения встречены в погребениях пожилых мужчин (*senilis* — старше 50–55 лет) — 14,3%. В двух случаях (9,5%) украшения были обнаружены в погребениях юношей (*juvenis* — от 12–3 до 18–20). Еще в нескольких случаях возраст погребенных определен как «зрелый» и «молодой», в одном случае возраст не был определен. Если принять версию, что в детских могилах с кольцевидными (трубчатыми) серьгами похоронены мальчики, то украшения могли появляться у мужчин уже начиная с трехлетнего возраста [Федорук, 2021: 41].

Что касается соотношения возраста и типов украшений, то предварительно можно сказать, что в погребениях пожилых мужчин не встречено кольцевидных (трубчатых) серег и серег с раструбом, однако такая ситуация может быть связана с малочисленностью подобных захоронений.

Следует отметить, что в материалах Южного Урала и Казахстана наблюдается несколько иная ситуация. Согласно исследованиям Е. В. Куприяновой, в петровской и алакульской культурах возрастом социализации девочек можно считать 6–7 лет, в синташтинской культуре — немного более поздний возраст. С этого времени их костюм практически не отличается от костюма взрослых женщин. В то же время погребения мальчиков этого возраста, как правило, не имеют еще специфического «мужского» инвентаря, а, напротив, часто сопровождаются таким «детским» инвентарем, как астрагалы [Куприянова, 2008: 137]. Э. Р. Усманова отмечает, что в алакульских комплексах Казахстана кольцевидные серьги, плакированные золотой фольгой, очень редко встречаются в детских и подростковых захоронениях [Усманова, 2010: 144]. На территории Алтая около 20% захоронений, содержащих кольцевидные серьги, были детскими/подростковыми (процент от погребений, по которым есть половозрастные определения). В то же время типично «женские» украшения начинают появляться у детей начиная с 13–15-летнего возраста [Федорук, 2021:41]. Вероятнее всего, на разных территориях распространения андроновской культурно-исторической общности существовали разные системы возрастных классов и своя собственная «мода».

По сопредельным территориям отсутствует информация о нахождении кольцевидных серег в мужских захоронениях, однако подобные серьги (вне комплекта с другими украшениями) встречается в могилах с кремацией. Так, две кольцевидные серь-

ги были обнаружены в одном погребении с кремацией могильника Боровое [Орозбаев, 1958]. В могильнике Путиловская Заимка II на Южном Урале также в погребении с кремацией (парной?) рядом с сосудом найдены две серьги. Там же был обнаружен бронзовый нож с перехватом [Зданович, 1988: 98–99]. Другие виды украшений у мужчин зафиксированы на таких могильниках как Майтан (пять случаев), по одному случаю в могильниках Лисаковский V, Маринка, Кызылтас [Ткачев, Ткачева, 2008; Ткачев, 2019; Усманова, Мерц, 2019].

В целом, находки каких-либо украшений в мужских погребениях на территории Казахстана чрезвычайно редки. Например, на таком крупном некрополе, как Лисаковский I, ни в одном мужском захоронении не обнаружено каких-либо украшений/элементов костюма. При этом федоровские погребения могильника в целом отличаются меньшим количеством и разнообразием украшений [Усманова, 2005: 119–121].

Очевидно, традиция дополнять мужской костюм золотыми и бронзовыми украшениями получила широкое распространение именно на Алтае. Так, на могильнике Рублево VIII на четырех из девяти скелетов, достоверно определенных как мужские, были найдены различные украшения (44,4%), на Фирсово XIV — на 11 из 37 (29,7%), на Кытманово — на трех из восьми (37,5%). Точное количество мужских захоронений на Чекановском Логу X нам, к сожалению, не известно. Вероятно, такая ситуация могла быть связана не только с определенным «стилем» в одежде, но и с близостью источников руды и доступностью металла.

Анализ элементов погребального обряда и инвентаря указывает на отсутствие каких-либо резких отличий мужских могил с украшениями от основной массы захоронений взрослых. Глубина их колебалась от 1,10 до 2,30 м от дневной поверхности, что в целом соотносится со средней глубиной взрослых захоронений [Федорук, 2015: 257]. Деревянные конструкции были обнаружены в 10 захоронениях (47,6%), при этом в могиле № 133 Фирсово XIV помимо обкладки и перекрытия были также зафиксированы остатки деревянного столбика. В большинстве случаев там, где это удалось установить, погребенные были уложены на левый бок (85,7%), головой в юго-западный сектор. В пяти случаях умершие лежали на правом боку: четыре могилы происходят с Фирсово XIV (интересно, что все эти погребения обнаружены недалеко друг от друга, в северо-восточной части могильника) и одна с Рублево VIII.

Кости животных, которые чаще всего представляли собой остатки поминальной пищи и находились возле сосудов, были обнаружены в четырех погребениях. В этом плане особо выделялось погребение № 24 Чекановского Лога X: здесь, помимо ребер животного, находившихся возле сосуда, были обнаружены два черепа и другие кости КРС в районе ступней ног мужчины [Демин, Ситников, 2007: 42].

Сосуды были обнаружены в 18 (85,7%) захоронениях: в восьми случаях погребенным было установлено по одному сосуду (38,1%) (в том числе в одном парном захоронении) и в стольких же случаях — по два сосуда (в том числе в двух парных захоронениях). В одном парном захоронении (могила № 26 (2010–2011 гг.) Фирсово XIV) было обнаружено четыре сосуда. В большинстве захоронений сосуды имели горшечную форму и были украшены сложной орнаментальной композицией (классический полисюжет по: [Ковтун, 2009]) (рис.-15–18). Баночные сосуды устанавливали в комплексе с горш-

ками, в двух погребениях были установлены только баночные сосуды, которые имели более простую орнаментацию (рис. – 19, 20).

Анализ планиграфии показал, что мужские погребения, содержащие украшения, как правило, располагались рядом с другими «богатыми» могилами, образуя некий комплекс. Так, на могильнике Рублево VIII большинство мужских могил с украшениями были расположены в восточной части могильника, вокруг женского захоронения № 85, содержащего богатый ювелирный набор, рядом также находились и другие женские и детские захоронения с украшениями. Еще одно мужское погребение № 109 обнаружено в западной части могильника, недалеко от женского захоронения с украшениями. Аналогичная ситуация (когда погребения с украшениями образовывали небольшие скопления) просматривается и на других памятниках [Погребальный обряд..., 2015: 24].

Таким образом, золотые и бронзовые украшения могли указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду, занимавшему, вероятно, ведущую роль в общине. В то же время, как известно по многочисленным этнографическим данным, украшения имели и религиозно-магическую функцию. Они выполняли роль амулетов/оберегов, определенный набор украшений мог быть связан с отправителями культов.

По мнению Э. М. Усмановой, иногда украшения (когда они находились не на костях либо в не свойственном для данного типа изделий месте) могли выполнять функцию дароприношения, а не костюмную [Усманова, Мерц, 2019: 175]. Известны случаи, когда украшения находились не на погребенном, а были уложены в берестяной туес/сумку, однако подобное более характерно для детских/подростковых погребений [Усманова, 2010: 77; Куприянова, 2008].

Е. В. Куприянова отмечает, что те немногие украшения, которые были обнаружены при мужских костях на территории Южного Зауралья и Казахстана, как правило, имели «свободную комплектацию»: даже если при мужчине найдено кольцо, то почти наверняка оно располагалось не на пальце, а в районе груди, пояса и пр. [Куприянова, 2008:123]. Следовательно, в некоторых случаях украшения также могли быть неким дароприношением, а не являться частью костюма. Что же касается алтайских материалов, то невозможно с уверенностью сказать, применялась ли подобная практика в отношении мужчин. Все погребения, где украшения имели «нетипичное» местоположение, были разрушены/сильно потревожены, кости скелетов смещены либо частично отсутствовали. В то же время даже в детских захоронениях кольцевидные серьги находились на черепе погребенного, в районе височных костей, что свидетельствует в пользу того, что они являлись именно частью костюма, а не помещались в могилу в качестве даров/оберегов и т. п.

Лишь некоторые погребения мужчин с украшениями, на наш взгляд, можно считать «нестандартными»: это могила № 24 Чекановского Лога X, где были обнаружены черепа и кости КРС, и могила № 23 Кытманово, где мужчина был захоронен вместе с ребенком 4–6 лет. Вероятно, данные погребения имели особое, культовое значение, либо в них были захоронены мужчины, имевшие особый статус в обществе.

Заключение

Андроновские некрополи Алтая отличаются от некрополей сопредельных территорий довольно высоким процентом погребений, содержащих различные виды ювелир-

ных изделий. При этом наличие украшений было характерно не только для женщин, но и для мужчин. В мужских захоронениях были обнаружены следующие виды украшений: кольцевидные (трубчатые) серьги, бусы /пронизи, подвески в полтора оборота, серьги с раструбом, раковины моллюсков, бляшки (?). Самым распространенным видом украшений у мужчин являлись кольцевидные серьги. Проведенный нами анализ показал, что в большинстве случаев способы ношения/использования в костюме одних и тех же видов украшений у мужчин и женщин различались, «универсальным» типом изделий можно назвать лишь серьги с раструбом, которые женщины, мужчины и дети носили, скорее всего, одинаково. Украшения могли носить мужчины всех возрастов, вероятнее всего, они появлялись у мальчиков уже с трехлетнего возраста, но чаще всего встречались в погребениях молодых мужчин.

Анализ элементов погребального обряда позволяет говорить о том, что мужские захоронения с украшениями не имели каких-либо резких отличий от основной массы захоронений взрослых, в то же время планиграфический анализ показал, что могилы с украшениями образовывали скопления, т. е. наличие металлических украшений могло указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду/социальной группе.

Сопоставление полученных данных с материалами сопредельных территорий указывает на то, что у населения различных территорий распространения андроновской общности существовала своя система возрастных классов, а также определенная «мода», которая проявлялась не только в различиях женского, но и мужского костюмов. Таким образом, широкое распространение металлических украшений в декоре мужского костюма является еще одной особенностью андроновских комплексов Алтая и подчеркивает своеобразие данного региона.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 20–18–00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Acknowledgements and funding

The article was prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation project No. 20–18–00179 «Migrations and processes of ethnocultural interaction as factors of the formation of multiethnic societies in the territory of the Greater Altai in antiquity and the Middle Ages: an interdisciplinary analysis of archaeological and anthropological materials».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : Изд-во ФАН, 1991. 200 с.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–21.

Грушин С. П., Тишкин А. А. Андроновские погребения на могильнике Кытманово (по материалам раскопок В. И. Каца в 1961 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 228–248. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-13).

Демин М. А., Запрудский С. С., Ситников С. М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул : АлтГПА, 2011. 128 с.

Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2007. Ч. 1. 274 с.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : Урал, 1988. 184 с.

Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт ун-та, 1993. С. 67–94.

Кирюшин Ю. Ф., Панин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.

Ковтун И. В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Вып. 4 (64). Т. 4. С. 115–124.

Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : Авто Граф, 2008. 244 с.

Орозбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. V: Археология. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1958. С. 216–279.

Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.

Ткачев А. А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Ткачев А. А. Мужской вещевой комплекс и возможности реконструкции костюма андроновской эпохи // Археологические исследования степной Евразии. Караганда : TENGRI Ltd, 2013. С. 89–93.

Ткачёва Н. А., Ткачёв А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.

Уманский А. П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. № 3. С. 83–99.

Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.

Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 22 с.

Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск, 2005. 232 с.

Усманова Э. Р., Мерц В. К. Знаковый фактор головных и ушных украшений в андроновском костюме эпохи бронзы // Археология Евразийских степей. 2019. № 1. С. 172–182.

Усманова. Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск ; Караганда, 2010. 176 с.

Федорук О. А. Детские погребения с украшениями в андроновских (федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 36–48.

Федорук О. А. Погребальный обряд андроновской культуры степного и лесостепного Алтая: анализ половозрастных различий // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. 3 (87). Т. 2. С. 256–260. <https://doi.org/10.14258/izvasu> (2015) 3.2.–40.

REFERENCES

Alekseev V. P. Paleodemografiia SSSR [Paleodemography of the USSR] *Sovetskaia arkhologia*. [Soviet archeology]. 1972, no. 1. P. 3–21 (in Russian).

Avanesova N. A. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliiam)*. [The culture of the shepherd tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (for metal products)]. Tashkent: Izd-vo FAN, 1991. 200 p. (in Russian).

Demin M. A., Sitnikov S. M. *Materialy Gilevskoj arheologicheskoi ekspedicii*. [Materials of the Gilevo archaeological expedition]. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2007. P. 1. 274 s. (in Russian).

Demin M. A., Zaprudskii S. S., Sitnikov S. M. *Andronovskie ukrasheniia Gilevskogo arkhologicheskogo mikroraiona* [Andronovo decorations of the Gilevsky archaeological microdistrict]. Barnaul: AltGPA, 2011, 128 p. (in Russian).

Fedoruk O. A. Detskie pogrebeniya s ukrasheniyami v andronovskikh (fedorovskikh) nekropolyah stepnogo i lesostepnogo Altaya [Children's burials with decorations in the Andronovo (Fedorovo) necropolises of the steppe and forest-steppe Altai]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 3. P. 36–48 (in Russian).

Fedoruk O. A. Pogrebal'nyi obriad andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaia: analiz polovozrastnykh razlichii [Funeral rite of the Andronovo culture of the steppe and forest-steppe Altai: analysis of age and sex differences]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2015, vyp. 3 (87), vol. 2. P. 256–260. <https://doi.org/10.14258/izvasu> (2015) 3.2.–40 (in Russian).

Grushin S. P., Tishkin A. A. Andronovskie pogrebeniya na mogil'nike Kytmanovo (po materialam raskopok V. I. Kaca v 1961 g.) [Andronovo burials at the Kytmanovo burial ground (based on the materials of V. I. Katz's excavations in 1961)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2023, vol. 35, no. 4. P. 228–248. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2023) 35 (4).–14 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Luzin S. Yu. Andronovskij mogil'nik Podturino [Andronovo burial ground Podturino] *Kul'tura narodov Evrazijskikh stepej v drevnosti* [Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt un-ta, 1993. P. 67–94 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Panin D. V., Fedoruk O. A. *Andronovskaya kul'tura na Altae* [Andronovo culture from the Altai]. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2015, 108 p. (in Russian).

Kovtun I. V. Osnovy morfologii andronovskogo ornamenta [Fundamentals of the morphology of Andronovo ornament] *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University] 2009, vol. 4, vyp. 4 (64). P. 115–124 (in Russian).

Kupriyanova E. V. *Ten' zhenshchiny: ZHenskij kostyum epokhi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolej YUzhnogo Zaural'ya i Kazahstana)*. [Shadow of a woman: Women's

costume of the Bronze Age as a «text»: (based on materials from the necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk: Auto Graf, 2008, 244 p. (in Russian).

Orozbaev A. M. Severnyj Kazahstan v epohu bronz. [Northern Kazakhstan in the Bronze Age] *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. Vol. V. Archaeology. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1958. P. 216–279 (in Russian).

Pogrebal'nyj obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV) [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob region (materials from excavations in 2010–2011 of the Firsovo-XIV ground burial ground)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015, 208 p. (in Russian).

Tkachev A. A. *Mogil'nik epohi bronzы Majtan*. [Bronze Age burial ground Maitan]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019. 529 p. (in Russian).

Tkachev A. A. Muzhskoj veshhevoj kompleks i vozmozhnosti rekonstrukcii kostjuma andronovskoj jepohi [Men's stuff complex and the possibility of reconstructing the costume of the Andronovo era] *Arheologicheskie issledovanija stepnoj Evrazii* [Archaeological studies of the steppe Eurasia] Karaganda: TENGRI Ltd, 2013. P. 89–93 (in Russian).

Tkacheva N. A., Tkachev A. A. *Epoha bronzы Verhnego Priirtysh'ya*. [Bronze Age of the Upper Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka, 2008, 304 p. (in Russian).

Umanskii A. P., Kiriushin Iu. F., Grushin S. P. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia andronovskoi kul'tury Prichumysh'ia (po materialam mogil'nika Kytmanovo)* [Funeral rite of the population of the Andronovo culture in the Prichumysh region (based on materials from the Kytmanovo burial ground)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 132 p. (in Russian).

Umansky A. P. Raskopki v Nizhnej Suetke v 1964g [Excavations in Nizhnyaya Suetka in 1964] *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes] Barnaul, 1999. Vyp. 3. P. 83–99 (in Russian).

Umerenkova O. V. *Ukrasheniya jepohi bronzы Zapadnoj Sibiri* [Bronze Age jewelry of Western Siberia]. Avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Kemerovo, 2011. 22 s. (in Russian).

Usmanova E. R. *Kostyum zhenshchiny epohi bronzы. Opyt rekonstrukcii*. [Costume of a woman from the Bronze Age. Reconstruction experience]. Lisakovsk; Karaganda, 2010. 176 p. (in Russian).

Usmanova E. R. *Mogil'nik Lisakovskij I: fakty i paralleli*. [Cemetery Lisakovskiy I: facts and parallels] Karaganda; Lisakovsk, 2005. 232 p. (in Russian).

Usmanova E. R., Merz V. K. Znakovyy faktor golovnyh i ushnyh ukrashenij v andronovskom kostyume epohi bronzы [Symbolic meaning of head and ear adornments in Bronze age Andronovo costume]. *Arheologiya evrazijskikh stepej* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2019, no. 1. P. 172–182 (in Russian).

Zdanovich G. B. *Bronzovyy vek Uralo-Kazahstanskikh stepej* [Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes]. Sverdlovsk: Ural, 1988. 184 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.12.2023

Принята к публикации: 15.05.2024

Дата публикации: 30.09.2024